

ГЛАВА 22. ЦИЛИНЬ

— Имя мне — Бай Юань. Я верный скакун Небесной девы Фэн Юэ.

Бай Юань взмахнул рукой, чертя в воздухе незримый знак, и перед глазами Мо Ханьчи за клубился густой туман. Мгновение — и адское видение, полное боли и ужаса, рассеялось. Юноша оказался в тихом, залитом светом двореке, где благоухали цветы и пели птицы.

— Где мы? — выдохнул Мо Ханьчи.

Боль внезапно утихла. Казалось, даже самые тяжкие раны мгновенно затянулись.

— Мы в иллюзорном мире внутри барьера, — Бай Юань присел на траву, и в его голосе проскользнула горечь. — Старик рассказал тебе почти правду. По крайней мере, в одном он не солгал: его внук едва не погиб от моей руки.

Золотистые волосы Бай Юаня струились по земле, сияя в лучах солнца. Заворожённый этим блеском, Мо Ханьчи невольно залюбовался ими, но вдруг заметил, как под прядями что-то зашевелилось.

Бай Юань осторожно отвёл волосы в сторону, и из их золотых волн показался крошечный белый щенок. Присмотревшись, Мо Ханьчи понял, что это вовсе не собака, а детёныш цилиня. Чешуйки на его теле были ещё совсем нежными, тонкими и не успели окрепнуть. Обнаружив, что его заметили, зверёк жалобно пискнул и поспешно зарылся в объятия Бай Юаня.

В руках мужчины тельце цилиня окуталось мягким белым сиянием и начало меняться, принимая облик пухлого, нежного младенца. Ребёнок был удивительно похож на Бай Юаня: те же золотистые волосы, длинные светлые ресницы и алебастровая кожа. Лишь глаза — пугающе алые, полные демонического огня — резко контрастировали с золотыми очами Бай Юаня.

— Ты знаешь старшего брата Фэн Юэ?

— Я знаю его больше сотни лет, — Бай Юань задумчиво погладил мягкие волосы малыша. — Мой род, род цилиней, вечно несёт бремя защиты Девушек Небесного Мандата. Как у каждого истинного монарха есть своя Дева, так и у каждой Девы есть свой цилинь-хранитель. Двадцать лет назад Владыка Демонов и четыре его Небесных Царя погрузили три мира в хаос, пытаются перекроить саму судьбу. В то время Небесная Столица пустовала, а Сказочная страна Пурпурной Микрозии осталась без хозяина. Фэн Юэ из-за предательства наставника так и не получил знамения о том, кто станет новым Монархом. Мир стоял на краю гибели. Во время великой битвы в Линье Фэн Юэ вознамерился обратиться в Небесный Меч, но Юло Минван помешал ему. Вековой путь совершенствования моего господина был разрушен, его душа едва не рассеялась в пустоте. Я тоже получил тяжёлые раны и потерял память. Так я оказался здесь. Я думал, что спасшие меня люди — простые смертные, пока тринадцать лет назад на свет не появился этот ребёнок.

Заметив изумление на лице Мо Ханьчи, Бай Юань лишь печально улыбнулся:

— Цилини с древних времён совмещают в себе оба начала, нас осталось совсем немного. «Ци» — это самец, «Линь» — самка. Мы — символ смены императорской власти и пришествия Звезды Пурпурного Микрозима. Стоит Небесной Деве спуститься в мир, как рождается новый Линь.

Мо Ханьчи замер, не зная, что и сказать.

— Старик наверняка сказал тебе, что я впал в безумие и убил его внука... Это правда, — тихо вздохнул Бай Юань.

Юноша невольно вздрогнул. «Неужели он убьёт и меня? Нет, ради старшего брата Фэн Юэ... Неужели я только выбрался из одной волчьей ямы, чтобы угодить в логово тигра?» Его тело забила нервная дрожь, но Бай Юань вдруг негромко рассмеялся.

— Малыш ещё совсем мал. Его рождение стало знаком того, что в мире появилась новая Дева. Почему Фэн Юэ до сих пор жив — я не знаю, для меня это загадка. Но взгляни в глаза ребёнка, и ты сам всё поймёшь. Отец Бай У — демон. Тот самый Небесный Царь Широкого Взора, Инь Шан, которого я собственноручно запечатал.

Бай Юань устремил взор вдаль, туда, где на землю медленно опускались нежные лепестки.

— Я предал его. Когда Инь Шана сковали печати, он до последнего не верил, что это сделал я. Потом я убил многих его воинов — тех, кто когда-то помогал мне. Я оказался беспощаднее любого демона.

— Ты жалеешь об этом? — Мо Ханьчи посмотрел на ребёнка. Малыш уставился на него огромными красными глазищами. Юноша осторожно погладил его по голове, и кроха заливисто рассмеялся.

— Все эти годы я поддерживал магические формации, чтобы демоны не могли вырваться из заточения. Мои духовные силы почти на исходе. В последнее время скверна множится, и теперь уже неважно, кто пришёл к барьеру — ты или кто-то другой. Эти стены долго не продержатся. Инь Шан скоро вернётся к жизни. Он обуреваем страстями, он предан Юло Минвану и превыше всего ненавидит предательство. Однако... — Бай Юань замялся, дважды повторив имя сына. — Однако, если У-эр окажется в руках Куньлуня... Возможно, Инь Шан поостережётся и не станет нападать на орден.

В голосе Бай Юаня звучала бесстрастная решимость, но в глубине чувствовалась невыносимая боль. Он поступал так, как его учили в Куньлуэ: долг перед миром — превыше всего.

Мо Ханьчи взял младенца за крохотную ручку. Реальность казалась слишком жестокой. Кем бы

ни был этот ребёнок, остаться без родных с самого рождения — самая горькая участь.

— Бай Юань, возвращайся со мной в Куньлунь. Старший брат Фэн Юэ поможет тебе, всё наладится, — юноша улыбнулся, и на его щеке проступила ямочка.

Глядя на беззаботного подростка, Бай Юань вспомнил свою первую встречу с Фэн Юэ. Тот улыбался так же светло и безмятежно, говоря ему: «Бай Юань, пойдём со мной в Куньлунь».

С тех пор миновала сотня лет. Тогда он, радостный, последовал за Фэн Юэ и познакомился с почтенным Фэнъюнь-цзы, который души не чаял в своём ученике. Та встреча так поразила его, что он принял старца за сошедшее на землю божество, из-за чего Фэн Юэ потом долго над ним подшучивал.

А потом — пламя, дым и бесконечная война. Юло Минван в иссиня-чёрных доспехах, его алые волосы, подобные бушующему пожару... Окровавленный демонический меч пронзает грудь Фэн Юэ, и на одежде, капля за каплей, расцветает алый цветок. Хань Цзинцин кричал, пока не сорвал голос, но это не тронуло сердце Юло Минвана. Семь струн божественной цитры Девяти Небес, свитых из перьев феникса, лопались одна за другой...

Лишившись защиты Небесной Девы, Бай Юань думал, что умрёт. Он шёл и шёл, пока не вытекла последняя капля крови. Он не ожидал, что снова откроет глаза и встретит человека, перед которым будет виноват всю жизнь. Того хмурого, немногословного мужчину с охапкой хвороста за спиной, который добродушно улыбался ему.

«Ты ранен».

«Бай Юань, иди сюда, посмотри!»

«Но ты завязал мне глаза, я ничего не вижу!»

«Сделай ещё шаг, я прямо перед тобой...»

Бай Юань глубоко вздохнул, прогоняя нахлынувшие воспоминания.

— Как твоё имя, парень?

— Мо Ханьчи.

— Мо Ханьчи, готов ли ты принести священную клятву?

Юноша немедленно опустился на колени и поднял руку. В его тёмных глазах читалась

непоколебимая решимость.

— Хорошо. То, что ты попал сюда — не случайность, а веление судьбы. Я хочу, чтобы ты доставил У-эр в Куньлунь и передал его в руки Фэн Юэ. В целости и сохранности.

— Клянусь, — твёрдо произнёс Мо Ханьчи. — Я доставлю У-эр Фэн Юэ. Если я нарушу клятву, пусть смерть станет мне единственной карой.

— Мо Ханьчи... береги тех, кто тебе дорог, — Бай Юань поднял юношу с колен, крепко обнял сына и что-то прошептал ему на ухо. Малыш, словно почуяв беду, мёртвой хваткой вцепился в одежду отца, не желая отпускать. Бай Юань, пересилив себя, разжал маленькие пальчики и передал ребёнка Мо Ханьчи. Глаза Бай У тут же наполнились слезами, и он отчаянно закричал:

— Папа! Папочка!

Бай Юань заставил себя отвернуться, хотя надрывный плач ребёнка разрывал сердце Мо Ханьчи на части.

Внезапно барьер содрогнулся. Иллюзорный мир задрожал, краски поплыли, вспыхивая недобрым, ослепительным светом. Бай Юань лишь горько усмехнулся. В саду поднялся неистовый вихрь. Цветы, мгновение назад расцветавшие в полную силу, сорвались с ветвей, закружились в безумном танце, заполняя всё пространство дождём из лепестков, и начали исчезать.

— Инь Шан, ты знаешь, когда этот сад прекраснее всего? — спросил когда-то Бай Юань.

Тот лишь улыбнулся в ответ.

— Наверное, когда лепестки кружатся на ветру?

— Нет, — ответил тогда Инь Шан. — Когда ты рядом.

<http://bllate.org/book/17550/1712896>